своих соотечественников. Фейт и Янсен были лично знакомы друг с другом: они вели переписку. Без сомнения, во время поездки Фейта в Париж в 1792 году они встречались.[18]

В июле 1793 года, вскоре после выхода в свет французского перевода «Фердинанда и Констанции», появился критический разбор этого перевода во французском «Духе журналов».[19] Критик отрицательно относился не только к творчеству Фейта, но и к сентиментализму в целом, который он отождествлял с иностранным нефранцузским духом. В рецензии в «Энциклопедическом журнале» сентиментальность Фейта тоже объяснялась нефранцузскими нравами.[20] Французские критики противопоставляли свою эстетику приятности и деликатности неумеренному, по их взглядам, англо-германскому сентиментализму.

Возможно, что, занимаясь переводом «Юлии», Янсен учитывал эту критику, потому что в отличие от довольно точного перевода «Фердинанда и Констанции» его перевод «Юлии» в значительной степени отклоняется от оригинала. Янсен следовал на этот раз известной французской переводческой традиции XVIII века и переработал роман в соответствии с доминирующей во французской литературе эстетической нормой «приятности».[21] В переводе, например, устранились повторения и синтаксические переломы, уменьшилось число гипербол, в результате чего интонация французского перевода стала более сдержанной. Сентиментальная метафорика Фейта приблизилась к канонической метафорике французской литературной традиции. К тому же была пропущена значительная часть конкретных названий, которые уже в оригинале немногочисленны; пейзаж и персонажи в романе еще больше абстрагировались. Своеобразное изменение обнаруживается в эпизоде с персонажем Вертером. Его возлюбленная, которая в голландском оригинале без имени, во французском переводе получает имя Шарлотты: история фейтовского Вертера отождествилась с историей гётевского Вертера.

Изменения касались не только стиля, но и идейного содержания романа. Янсен последовательно опускал все образы, заимствованные из Библии, как и другие метафоры с религиозным оттенком. Оказывается, что все места в романе, где проявляется протестантское мировоззрение Фейта, в переводе переработаны по нормам, близким к деизму. Например, изменилось то ключевое место, где Юлия разъясняет своему возлюбленному Эдуарду высший смысл своего несчастья. В голландском оригинале она призывает Эдуарда внять «гласу Религии», иными словами, Слову Божьему, Священному Писанию, т. е. следовать нравственным нормам, не зависящим от человека; во французском переводе Эдуард должен поступать по «совести», которая тут не подразумевает, как для Фейта, познание личного Бога и Его Закона, но означает, согласно деистическому

---

[18] *Streng J C* Op. cit P. 75, 78, 98–100

[19] L'Esprit de Journaux, françois et étrangers. Paris, 1793 T. VII (Juillet). P. 227–234.

[20] Journal Encyclopédique ou Universel. Bouillon, 1793 T. VII. № XXIV. P. 212–232.

[21] См *West C B* La théorie de la traduction au XVIIIe siècle, par rapport surtout aux traductions françaises d'ouvrages anglais // Revue de littérature comparée. 12 année. Paris, 1932 P 330–355